

А тем временем Чжан Фэнцай и второй амо, оставшиеся стоять на месте, словно окаменевшие, ещё долго не могли прийти в себя. Острый, холодный взгляд Чжао Чжэнъяня до сих пор стоял перед глазами — от него по коже пробегала дрожь.

Тот амо, глядя вслед удаляющейся фигуре, пробормотал:

— Он... как будто совсем другой стал...

Чжан Фэнцай прищурился, не отрывая взгляда:

— Вот именно... будто подменили.

Он ведь знал Чжао Чжэнъяня — и прежнего, и того, каким тот стал после беды. И потому это несоответствие сразу заставило его задуматься.

В голове вспыхнула догадка.

— Ладно, ты иди домой. У меня тут дело, — бросил он наспех и, не дожидаясь ответа, поспешил прочь.

Во дворе семьи Чжао Ван Цуйхуа напевал себе под нос, разбрасывая корм курам и уткам. Только он закончил, как в ворота с силой заколотили.

— Да кто там такой, что чуть ворота не разнёс?! — проворчал он, покачивая бёдрами, направляясь открыть.

Распахнув ворота, он удивлённо вскинул брови:

— О, Фэнцай? Какими судьбами?

Чжан Фэнцай с улыбкой прошёл внутрь:

— Да вот, зашёл проведать.

— Надо же, редкий гость! Давненько тебя не было, — Ван Цуйхуа прикрыл рот ладонью, улыбаясь. Он был одним из немногих, кто умел ладить с Фэнцаем.

Чжан Фэнцай огляделся по сторонам, будто проверяя, нет ли лишних ушей:

— А твой муж дома?

— Нет, с ребёнком вышел. А что, тебе он нужен?

— Да нет, какие у меня к нему дела... — Фэнцай понизил голос и, придвинувшись ближе, заговорщически прошептал: — Угадай, кого я сегодня встретил?

— Кого?

— Твоего Чжао Чжэнъяня.

Ван Цуйхуа лишь отмахнулся:

— Ну встретил и встретил. Тоже мне новость.

Чжан Фэнцай покачал головой, глаза его сверкнули:

— А знаешь, где я его видел?

— Где? — невольно заинтересовался тот.

— В деревне. И в руках у него было две коробки сладостей — не знаю уж, кому он их нёс.

Вот теперь Ван Цуйхуа и правда насторожился. Всем ведь известно: Чжун Цзыци никогда не отпускал Чжао Чжэнъяня одного.

Чжан Фэнцай, заметив, что задел его за живое, продолжил, понижая голос:

— Я думаю... он выздоровел. Больше не дурак.

Ван Цуйхуа вздрогнул:

— Да как такое возможно? Я ведь у лекаря спрашивал — он говорил, что шанс почти нулевой.

— А ты не спеши не верить, — усмехнулся Чжан Фэнцай и подробно пересказал всё, что произошло на дороге. — Сам подумай: разве тот «дурачок» мог так говорить? И взгляд у него... ты же сам знаешь, каким он был.

Ван Цуйхуа сжал губы. Он и правда знал Чжао Чжэнъяня лучше многих. И именно поэтому, если слова Фэнцай были правдой... значит, тот действительно стал нормальным.

И вот тут его охватила тревога.

Как Чжэнъянь теперь посмотрит на то, что они разделили хозяйство уже на второй день после свадьбы?..

Но тревога быстро уступила месту расчёту.

Раньше Чжао Чжэнъянь всегда был послушен — стоило сказать слово, и он не осмеливался перечить. Теперь, если он действительно выздоровел — тем лучше. Достаточно будет признать вину, немного надавить на чувства... неужели он не смягчится?

А уж тогда... справиться с Чжун Цзыци, этим упрямым, холодным характером, будет куда проще.

В конце концов, тот муж. Вышел замуж — значит, должен следовать за своим супругом. Если осмелится перечить — пусть Чжао Чжэнъянь его и прогонит. Посмотрим, как он тогда запоёт.

Мысли текли всё смелее, всё более жадно.

Ван Цуйхуа уже видел перед глазами будущее: нескончаемый поток денег, который можно тратить без оглядки. Шёлковые одежды, тяжёлые золотые украшения, изысканная еда каждый день... Старый дом снести — и выстроить новый, из кирпича. Найти сыну хорошего мужа из достойной семьи. Завести слуг, чтобы те прислуживали им...

Жизнь — словно сладкий сон.

Погружённый в эти мечты, Ван Цуйхуа совсем забыл о другом:

что, если Чжао Чжэнъань не простит их?

Забыл и о том, что, придя в себя, тот не сообщил им ни слова. И даже сладости, с которыми вышел из дома, были предназначались явно не для них.

К полудню Чжао Чэн вместе с сыном, Чжао Чжэнхуном, вернулись домой. Едва дождавшись, пока ребёнок уйдёт, Ван Цуйхуа тут же пересказал всё мужу.

Как он и ожидал, на лице Чжао Чэна появилась улыбка — такая же, как у него самого. Мысли их были одинаковы: о тех самых деньгах, что зарабатывал Чжун Цзыци.

— Поедим — и сходим к нему, — спокойно сказал Чжао Чэн.

Ван Цуйхуа расплылся в довольной улыбке, но в глубине всё же мелькнула тень беспокойства:

— А вдруг Чжэнъань на нас обидится?

Чжао Чэн презрительно фыркнул:

— На что ему обижаться? Я ему отец — не станет же он на меня руку поднимать. Да и вообще... Чжун Цзыци ведь мы ему нашли. Не мы бы — где бы он ещё такого способного мужа отыскал?

Ван Цуйхуа решил, что слова Чжао Чэна вполне разумны, и быстро отогнал последние сомнения.

А Чжао Чжэнъань и не подозревал, что его обычная прогулка уже обернулась для него новыми неприятностями.

Выйдя от старосты, он не спеша направился к дому Эрчжу. Отец Эрчжу, Чжао Ванцай, в деревне был известен как дядя Ванцай.

Увидев, что Чжао Чжэнъань пришёл за тофу и соевым творогом, простодушный Чжао Ванцай ничего лишнего не сказал. Услышав, что тот выздоровел, он лишь удивлённо вскинул брови, а затем по-простому, добродушно улыбнулся.

— А где Эрчжу? Давно его не видел, — с улыбкой спросил Чжао Чжэнъань. Он по-прежнему тепло относился к своим старым товарищам — в его сердце они оставались почти младшими братьями.

— Да носится где-то, сорванец, — Чжао Ванцай, говоря о сыне, светился от гордости.

Чжао Чжэнъань не стал задерживаться. Купив два куса тофу и немного доуфу-нао, он неторопливо отправился домой.

Чуть позже полудня Чжун Цзыци вернулся. Он никогда не придерживался строгого времени — заканчивал торговлю и сразу шёл домой.

— Ты поел? — спросил он, входя.

— Поел. А ты? — ответил Чжао Чжэнъань.

— Тоже, — кивнул Цзыци и, зайдя в дом, залпом выпил большую чашу прохладной воды, чтобы остыть. — Купил доуфу-нао?

— Купил, — вздохнул Чжао Чжэнъань. — Куда ты так торопишься? Отдохни хоть.

Чжун Цзыци почесал затылок и послушно сел.

И тут в ворота снова постучали.

— Я посмотрю, — Чжао Чжэнъань поднялся и вышел во двор.

Стоило ему распахнуть ворота, как обе стороны на мгновение замерли.

— Чжэнъань... — Ван Цуйхуа натянул на лицо улыбку.

— Зачем пришли? — Чжао Чжэнъань нахмурился.

Ван Цуйхуа и Чжао Чэн переглянулись — теперь у них не осталось сомнений: он действительно пришёл в себя.

— Чжэнъань, ты правда выздоровел? — Ван Цуйхуа поспешил заговорить, изображая радость.

— Ах ты, ребёнок... и не сказал нам!

Чжао Чжэнъань усмехнулся холодно:

— А разве что-то бы поменялось?

Он сразу понял: кто-то донёс. Иначе откуда бы Ван Цуйхуа узнал?

— Что за тон? — резко вмешался Чжао Чэн. — Я тебе отец! Или нам уже и в дом нельзя войти?

Чжао Чжэнъань понимал: стоять у ворот и ссориться — зрелище не из приятных. Он молча отступил в сторону, пропуская их внутрь.

— Ну что, опять за деньгами пришли? — Чжун Цзыци даже не встал с места, развалившись на стуле. В голосе — откровенный холод.

Он вовсе не боялся, что Чжао Чжэнъань разозлится. Если тот позволит нескольким словам Ван Цуйхуа затуманить себе голову — значит, всё кончено. Тогда он без колебаний уйдёт. Такой дом ему не нужен.

Но где-то в глубине он всё же верил — Чжао Чжэнъань не из тех, кто слепо подчиняется родителям.

— Чжэнъань, ты только посмотри, как твой муж разговаривает, — нахмурился Чжао Чэн. — Мы всё-таки старшие. Услышат люди — что подумают?

— Цзыци... — Ван Цуйхуа мягко улыбнулся, делая шаг вперёд. — В прошлый раз я был неправ. У амо тоже есть свои трудности, правда? Я прошу у тебя прощения. Мы же одна семья — у нас одна фамилия, нам надо жить в мире. Верно, Чжэнъань?

Улыбка его была тёплой, почти безупречной — словно перед ними стоял самый заботливый и искренний родитель.

Чжун Цзыци не ответил. Только чуть прищурился, глядя на Чжао Чжэнъяня — с едва заметной, насмешливой полуулыбкой.

Как ловко играют — один давит, другой смягчает.

Даже Чжао Чжэнъянь, с его привычной толстокожестью, почувствовал себя неловко под этим взглядом. И в ту же секунду — окончательно разочаровался в своих родителях.

Чжун Цзыци спокойно продолжил:

— Мы уже разделили хозяйство. Будем мы в мире или нет — значения не имеет. Мы не берём у вас ни еды, ни денег, ни чего-либо ещё.

Он говорил вместо Чжао Чжэнъяня — тот, как бы ни был зол, не смог бы так прямо перечить людям, которые его вырастили.

А вот у Цзыци не было таких обязательств.

Лица Ван Цуйхуа и Чжао Чэна потемнели.

Смысл его слов был предельно ясен: мы ничего от вас не берём — и вы к нам не тянитесь.

Но это было... неприемлемо.

Ведь их цель была как раз противоположной — брать. И ещё раз брать.

— Впрочем, — добавил Чжун Цзыци, — если вдруг совесть проснётся и вы захотите просто пообщаться с сыном — я не стану мешать.

Он бросил короткий взгляд на Чжао Чжэнъяня — тот выглядел растерянным и усталым — и вдруг с ленивой, почти опасной улыбкой добавил:

— И к слову... в этом доме решаю я.

В этот момент Ван Цуйхуа и Чжао Чэн окончательно возненавидели Чжун Цзыци.

Слишком острый на язык. Слишком непокорный. Неконтролируемый.

Но сейчас они не могли позволить себе сорваться. Нет... нужно было сыграть до конца. Показать Чжао Чжэнъяню, что они — любящие родители.

И заодно дать ему самому увидеть, насколько холоден и жесток его муж.